

Люди, никогда не видевшие мастерства Ху Лугу, возможно, не почувствовали ничего особенного, услышав это заявление. По их мнению, Янь Уши, который был осажден пятью великими мастерами и все же сумел выбраться невредимым, действительно располагал той силой и уверенностью, что позволяла ему бросить вызов Ху Лугу.

Иначе говоря, когда эти слова были произнесены вслух, они уподобились капле воды, упавшей в кипящий котел с маслом, от которой все вокруг сразу же заволокло дымом, сопровождаемым громким шипением. Один за другим многие люди начали сыпать вопросами, выражая либо удивление, либо сильное волнение.

— Когда это произошло?

— Всего несколько дней назад. Я слышал, что глава Янь послал письмо с официальным вызовом Ху Лугу, когда тот еще трапезничал. Тот, говорят, был так поражен, что тут же подскочил и чуть не подавился насмерть!

— ...Так говоришь, будто лично это застал. Кто таков этот Ху Лугу?

— Ты не знаешь, кто такой Ху Лугу? А о Ци Фэнгэ знаешь?

— Не говори ерунды! Если бы не знал, то с чего бы мне приходиться на гору Сюаньду для посвящения в ученики?

— Тогда как ты мог не слышать о Ху Лугу? Более двадцати лет назад Ци Фэнгэ сразился с этим великим мастером Тузцуэ и заставил его дать клятву не ступать на Центральные равнины в течение двадцати лет. Не так давно, во время Собрания испытания Меча, проходившего на горе Цинчэн, Ху Лугу без труда победил Шэнь Цяо. Многие говорили, что, хотя Дворец Люли не объявлял публично о своем выборе мастера боевых искусств номер один в мире, Ху Лугу — истинный номер один. Янь Уши, должно быть, не смог с этим смириться, поэтому и бросил вызов!

— Ох, не надо об этом. Я тоже хотел посетить Собрание испытания Меча, но матушка не разрешила — сказала, что это слишком опасно. И эту поездку на гору Сюаньду мне пришлось втайне от нее обсуждать с отцом. Он даже удерживал ее, чтобы я смог сбежать...

Непрекращающаяся болтовня и столкновение мнений постепенно превратились в фоновый шум в ушах Шэнь Цяо. Все его мысли зациклились на одной фразе. Только когда Бянь Яньмэй поднес к его руке чашку, он осознал, что с момента произнесения этих слов не двигался, застыв в той же позе.

— Большое спасибо, — Шэнь Цяо взял чашку. В нее было налито немного бамбукового сока. — Перед отъездом глава Янь говорил тебе об этом?

Спросив это, он ощутил, что вопрос был несколько излишним. Янь Уши всегда вел себя не так, как все ожидали и предсказывали. Даже если бы его родители были живы, они, вероятно, не смогли бы предугадать его поведение, не говоря уже о его учениках.

Кто бы мог подумать, что ответ Бянь Яньмэя будет еще более неожиданным.

— То, что он написал официальное письмо с вызовом, действительно правда.

— Разве он все еще не ранен? - пораженно спросил он.

Бянь Яньмэй на миг задумался.

— Я знаю кое-что об этом деле. Это не просто одна из прихотей учителя. Он ведет себя так, будто спонтанно совершает потрясающий и удивительный подвиг, но в его действиях есть скрытая причина.

— Хотелось бы услышать подробности.

— Я слышал, что на горе Цинчэн Ху Лугу сразился с тобой.

— Все так. Ху Лугу вернулся после двадцати лет уединения, и его мастерство стало еще лучше, чем прежде. С моими нынешними навыками боевых искусств, боюсь, мне будет трудно даже свести бой с ним вничью.

Победа есть победа, а поражение есть поражение — он не стыдился признавать свои провалы. Каким бы грозным ни был противник, он говорил только правду и не находил смысла в преувеличении или приукрашивании.

— Тогда, по мнению даочжана Шэня, если учитель будет сражаться с Ху Лугу, каковы его шансы на победу?

Шэнь Цяо задумчиво свел брови к переносице. Поразмыслив, он сказал:

— Если бы он не был ранен, то шансы были бы примерно пятьдесят на пятьдесят.

Однако это подразумевало, что Янь Уши должен пребывать в отличном состоянии, с обильной внутренней силой и без малейших травм.

После этих слов на лице Бянь Яньмэя появилось обеспокоенное выражение. Только спустя некоторое время он снова заговорил:

— Тузцуэ точно приложат руку к делам горы Сюаньду. Ты убил Кунье, и Ху Лугу ни за что не оставит все как есть. Не исключено, что он мог бы пренебречь своим статусом великого мастера и вмешаться лично. Но после письма-вызова от учителя у Ху Лугу попросту не останется на тебя свободного времени. В результате у даочжана Шэня теперь меньше препятствий для решения проблемы.

Шэнь Цяо замер в потрясении.

Он перебрал множество вариантов, и самым близким к правильному ответу, по его мнению, было желание Янь Уши сразиться за место мастера номер один в мире. Шэнь Цяо никогда бы не подумал, что истинный ответ будет именно таким.

Увидев его реакцию, Бянь Яньмэй изобразил самоуничижительное выражение лица.

— Даочжан Шэнь не верит мне? Хотя в этом, конечно, нет ничего удивительного. Для нас, членов демонических сект, издавна характерны своекорыстие и независимость. Как часто мы жертвовали собой ради других?

Шэнь Цяо мягко вздохнул.

— Я не это имел в виду, не пойми меня неправильно.

Хотя он не мог сказать, что никогда не думал об этом.

— На самом деле, это еще не все. Учитель пощадил жизнь Сюэтина, чтобы привести его в секту Тяньтай в обмен на последний том «Стратегии Багрового Яна».

Его слова снова застали Шэнь Цяо врасплох.

«Стратегия Багрового Яна» состоит из пяти томов, но только один из них относится к боевым искусствам демонических сект, и Янь Уши уже прочитал его. Изъян в его демоническом ядре устранен, и содержание последнего тома было малополезным, а возможно, и вовсе бесполезным. Поэтому нетрудно было догадаться о причинах его желания завладеть томом «Стратегии Багрового Яна», хранящимся в секте Тяньтай.

В силу своей сообразительности Шэнь Цяо, естественно, смог найти ответ.

— Я слышал, что уже в ранние годы цели Сюэтина противоречили догматам секты Тяньтай. Поэтому он покинул ее после смерти учителя и основал свою собственную. Зачем секте Тяньтай обменивать том «Стратегии Багрового Яна» на Сюэтина?

— Секта Тяньтай считает Сюэтина предателем. Учитель оставил его в живых, чтобы позволить

секте наказать его по своему усмотрению — в результате они останутся в долгу перед учителем. Разумеется, получить оригинал оставшегося тома невозможно, но можно будет снять его копию.

— Глава Янь в самом деле приложил все усилия ради осуществления благих замыслов.

Трудно сказать, что его сердце несколько не содрогнулось от этого.

Бянь Яньмэй понимал, что другой человек был потрясен, даже если внешне это никак не выразалось. Поэтому он не стал затягивать паузу и сразу же продолжил:

— Даочжану Шэню не нужно беспокоиться. Раны учителя не слишком серьезны, и поединок с Ху Лугу состоится только через полмесяца. Этого времени должно хватить, чтобы учитель полностью восстановился.

Человеку, который может оставаться в уединении за Великой стеной в течение двадцати лет, не беспокоясь о мирских делах, не суждено иметь чрезмерных амбиций в светской жизни. Ху Лугу — именно такой человек. Хотя его личность и статус таковы, что он никогда не сможет полностью отделиться от народа Тузцуэ, он все же, прежде всего, мастер боевых искусств. Поэтому письмо с вызовом Янь Уши для него было несравненно более интригующим, чем дела горы Сюаньду. Полмесяца не были ни коротким, ни особенно долгим сроком. Раз уж он решил принять вызов, то не станет отвлекаться на всякие мелочи, вроде ситуации с горой Сюаньду.

Все эти причины и следствия можно понять, лишь на мгновение задумавшись.

Если бы Янь Уши поведал ему в лицо о каждой из них, возможно, он был бы тронут, возможно, тактично отказался бы, но он совершенно точно не был бы так потрясен, как сейчас.

Даже без Шэнь Цяо Янь Уши было бы трудно избежать столкновения с Ху Лугу в будущем, но это осталось бы делом будущего. Не было сомнений, что причина, по которой он выбрал именно этот момент для вызова, в основном заключалась в Шэнь Цяо.

Как можно не растрогаться тем, что человек, такой эгоистичный и бесчувственный, сделал то, на что не способны даже многие влюбленные в мире?

Бянь Яньмэй украдкой наблюдал за реакцией Шэнь Цяо. Уверившись, что собеседник погрузился в полное безмолвие, он задался вопросом, не был ли тот столь взволнован, что впал в ступор.

— Даочжан Шэнь?

Вопреки ожиданиям, Шэнь Цяо не был растроган до слез. После минутного молчания он остался совершенно спокоен.

— Как бы там ни было, мы уже здесь. После всех усилий, затраченных твоим учителем, как я смогу без стыда посмотреть ему в глаза, если не решу проблему здесь и сейчас?

Бянь Яньмэй кивнул в знак согласия.

— Пойдем, найдем кого-нибудь, чтобы спросить о ситуации на горе. Мы поднимемся туда завтра.

— Хорошо.

Оба мужчины отличались элегантностью и изяществом. Особенно выделялся Шэнь Цяо, который нес на спине длинный меч и был одет в даосские одежды. Вскоре они привлекли внимание нескольких молодых людей. Один из них, до этого громко обсуждавший различные темы, набрался смелости и завязал разговор:

— Могу я узнать, не из Пурпурного ли дворца Сюаньду родом этот даочжан?

Шэнь Цяо собирался найти ученика, спустившегося с горы, и расспросить его о случившемся. Но когда он увидел их, ему в голову пришла другая идея.

— Нет. Этот бедный даос — Шань Цяоцзы*, он восходит на гору, чтобы навестить друга. А что насчет этих молодых друзей?

*Он использовал псевдоним, который звучит похоже на (山桥;shěn qiáo), но из других иероглифов, (山桥子;shān qiáo zi). 山 относится к горе, но 桥 имеет несколько значений, включая высокий, притворный или мошеннический. Если рассмотреть возможную игру слов, то «Шань Цяоцзы» может означать горный мошенник/сын или горный фальшивый человек/сын. Кроме того, два слова (山桥; shān qiáo), соединяясь в одно, составляют (桥;qiáo) имени Шэнь Цяо. Примечание: он также использует этот псевдоним в главе 86.

Услышав от него «нет», заговоривший почувствовал легкое разочарование. Тем не менее, раз уж он взял на себя инициативу задать этот вопрос, было бы невежливым просто отмахнуться от собеседника.

— Мы пришли сюда, чтобы найти учителя, к которому можно было бы пойти в ученики. Этот покорный слуга — Дуань Ин, а эти двое — мои друзья: Чжан Чао и Чжун Боцзин.

Трое парней поприветствовали Шэнь Цяо и Бянь Яньмэя, а те в ответ склонили головы и слегка подняли руки.

Хотя Дуань Ин не принял это близко к сердцу, двое других почувствовали некоторое недовольство, видя, как даос просто бегло поднял руки, даже не потрудившись встать.

На самом деле, учитывая статус Шэнь Цяо, никто не посмел бы ничего сказать, даже если бы он вообще не двинулся, не говоря уже о том, чтобы поднять руки для ответного приветствия.

— Поскольку даочжан Шань Цяоцзы собирается посетить друга на вершине, я полагаю, он знаком с даосскими духовными учителями горы Сюаньду? – спросил Дуань Ин. – Мы давно восхищаемся великолепием Пурпурного дворца Сюаньду и хотели бы вступить в число его учеников. Мы слышали, что гора Сюаньду принимает учеников только два раза в год: во время весеннего и осеннего равноденствия. К сожалению, мы не прибыли ни в тот, ни в другой период. Можно ли попросить даочжана Шань Цяоцзы представить и порекомендовать нас?

После этой просьбы оба его друга посмотрели на Шэнь Цяо с блеском предвкушения в глазах.

Шэнь Цяо со смехом ответил:

— Вообще-то, мой знакомый не является ни главой, ни старейшиной секты, он просто даос, отвечающий за запасы дров. Увы, я ничем не могу вам помочь.

Видя их разочарованные лица, он добавил:

— Впрочем, каждые пять дней даосы спускаются с горы за покупками. Рядом с этой гостиницей есть пекарня, где продаются дим-самы. Это излюбленное заведение местных даочжанов. Если вы будете внимательны, то, возможно, скоро встретите одного из них.

Услышав эти слова, Дуань Ин и двое его спутников переглянулись.

— Если это правда, то мы должны поблагодарить даочжана за то, что он рассказал нам об этом.

Шэнь Цяо махнул рукой и ответил:

— Ни к чему эта вежливость. Если вас примут в ученики, то этот бедный даос может считать, что у него есть еще три друга на горе Сюаньду. Разве это не большая честь?

Этот даочжан был довольно красив и говорил в мягкой и доброй манере. Естественно, у Дуань Ина сложилось очень благоприятное впечатление о нем. Он сказал еще несколько слов благодарности, чтобы выразить свою признательность, и даже завел с ним дискуссию о даосской классике. Лишь после того, как Чжун Боцзин поторопил его, он попрощался с Шэнь Цяо.

Только сейчас Бянь Яньмэй, который бесстрастно наблюдал за происходящим со стороны, заговорил:

— У этого Чжан Чао довольно хорошие природные способности. Остальные двое — просто посредственности.

Шэнь Цяо улыбнулся, но ничего не сказал.

На самом деле, из всех троих он отдавал предпочтение Дуань Ину. Не потому, что он говорил с ним больше всех, а потому, что Дуань Ин, не зная их личностей, все равно обращался с ними вежливо, и был намного спокойнее и мягче, чем двое других. Природные данные важны, но воинские добродетели еще важнее. Если бы выбор был за Шэнь Цяо, он предпочел бы отказаться от более одаренного Чжан Чао в пользу более посредственного Дуань Ина.

В ту ночь Шэнь Цяо и Бянь Яньмэй отдыхали в гостинице. По совпадению, комната Дуань Ина и его друзей находилась совсем рядом с их комнатой.

Троица прислушалась к словам Шэнь Цяо. Ранним утром следующего дня они уже поджидали в пекарне. Ждать долго не пришлось. В пекарню вошли два молодых даоса — с первого взгляда можно было понять, что они спустились с горы Сюаньду.

Дуань Ин и остальные были вне себя от радости. Они поспешно назвали себя и выразили свои намерения, попросив даосов провести их на гору на поклон учителю.

Ответом им послужил отказ:

— Гора Сюаньду принимает учеников только два раза в год - в дни осеннего и весеннего равноденствия. Вы прибыли в неподходящее время, возвращайтесь позже.

— Даочжаны, мы давно восхищаемся горой Сюаньду и готовы терпеть любые лишения! - умолял Дуань Ин. - Даже если это означает, что мы сможем записаться только как ученики-миряне, мы молим вас помочь нам!

Даос чуть постарше был более приветливым и добродушным. Он сказал им:

— У горы Сюаньду в последнее время возникли серьезные дела, и вышестоящие даочжаны очень заняты, поэтому сейчас у них нет возможности принимать учеников. Вы правда прибыли в самый неподходящий момент. Возможно, стоит попытаться счастья на горе Цинчэн.

Горы Сюаньду и Цинчэн находились совсем не близко друг к другу: расстояние между ними невозможно было преодолеть пешком. Услышав эти слова, Дуань Ин и его товарищи по команде напряглись до такой степени, что горечь почти сочилась из их пор.

Они умоляли снова и снова, но даосы оставались непреклонными. Подавленные и встревоженные, Дуань Ин и остальные могли только уйти.

— Эй, младший брат Юнь Чан, почему ты так категоричен? Может быть, если мы вернемся и представим их учителю, этот старец захочет принять их? – сказал старший даос.

— Сейчас гора переживает тревожные времена, и учитель ясно дал понять, что не желает вмешиваться! С чего ему принимать учеников в такое время?

— Тогда почему бы не отправить их к действующему главе? На мой взгляд, эти ребята выглядели довольно жалко.

— У действующего главы нет желания заниматься подобным. Я слышал, что скоро придут люди из секты Хэуань. Кто знает, сможет ли он вообще удержаться на своем посту, когда это случится?

— Младший брат Юнь Чан, не будь так резок в словах...

— Чего ты боишься? Меня ведь никто не слышал. По мне, так во времена главы Шэнь было лучше. Все жили в мире и дружбе друг с другом. А теперь что? Ты подозреваешь меня, а я — тебя, остался ли тут хоть какой-то мир? – юный даос по имени Юнь Чан недовольно скривил губы.

В следующее же мгновение выражение его лица переменилось на шокированное и испуганное.

— Глава Ш-Шэнь?.. – Юнь Чан, который всегда отличался ловким языком, был ошеломлен до заикания, когда увидел стоявшего перед собой человека.

Автору есть что сказать:

Глава раскрывает цель письма-вызова Янь Уши и причину, по которой он взял Сюэтина в секту Тяньтай ~

Янь Уши: Видите? Этот достопочтенный придумал план. Он не сошел с ума. □(□□□)□

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://bllate.org/book/14532/1287414>